

Русский Язык на рубеже тысячелетий

Виталий КОСТОМАРОВ,

ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, профессор

О несчастьях, обрушившихся на русский язык, следует говорить. Да, нарушена чистота народных традиций, язык теряет былой авторитет, утрачивается его объединяющая роль. Плохо и с литературной нормой — наступают просторечие, американизация. Поэтому надо думать, что делать. Важно, что русский язык по-прежнему затребован, он объективно необходим миру. Без него в СНГ не будет ни безопасности, ни свободного рынка, ни культурных связей, ни науки, ни единого образовательного пространства. И дело не в том, что у населения падает интерес к русскому языку, а в том, что искусственно устраняются возможности его изучения и применения.

Прошлый состав Думы три года бурно, но безрезультатно обсуждал Закон о русском языке. Совет по русскому языку, созданный в декабре 1995 г. при Президенте Российской Федерации, был вскоре упразднён. Федеральная целевая программа на 1995–2000 гг. профинансирована на 0,8%.

Сейчас наметились обнадеживающие сдвиги. Восстановлен Совет по русскому языку, правда, теперь при правительстве. В Министерстве образования создан отдел русского языка и общественный орган управления федеральной целевой программой, и, надеемся, вот-вот будет пролонгирована и сама эта программа на новые 5 лет. Просим мы 245 млн руб. на этот срок, но нам говорят, что это очень много.

Обнадеживает, что в обсуждаемой на этом съезде доктрине очень чётко указано на первостепенность сохранения и развития значимости русского языка как одного из объединяющих факторов многонационального российского государства. Дай Бог, чтобы это не осталось лишь декларацией.

Эволюция языка протекает постоянно, и в норме это незаметно. Однако в эпохи крупных социально-политических перемен изменения языка приобретают болезненный характер, вся его структура сотрясается в опасных пределах. В отечественной истории так было в эпоху Петра I, во времена революции 1917 года. Это происходит и сегодня. При нашей интеграции в мировую жизнь со всеми её достоинствами и пороками, в частности однополярной американизацией, это особенно видно именно в языке.

Неестественно высокие темпы изменения языка отражают растерянность и неудовлетворенность общества, а язык скудеет, теряет неповторимые краски, животворные соки, гибкость, глубину. Бес коммерциализации оседлал массовую коммуникацию, которая всегда была могучим средством воспитания, а сегодня стала средством подавления истинного языкового чутья, стилистического вкуса. И как устоять учителю средней школы перед могучим напором телевидения, радио, кино, интернета с их страстями, пошлостью, разнузданностью, в том числе и в языке. Как быть учителю, когда он исправляет неверно сделанный перенос, а ученик в ответ приносит ему книги, газеты и тычет пальчиком: а вот умные дяди пишут так.

Не стоит тешиться надеждой, что нынешнее состояние русского языка возмущает всех. Очень многих оно вполне удовлетворяет. Постулат о гармоничном развитии личности всё больше заменяется приматом карьеры и обогащения. Ничего не поделаешь: смена поколения, смена ментальности. Мы уже не замечаем, как употребляем словечки: “как бы”, “вроде”, “типа” (“он зашёл ко мне типа случайно”).

Между тем то, что мы называем “порчей языка”, может быть всего лишь отражением новой, неприятной, но неизбежной исторической реальности. Наверное, надо менять правила тех же переносов, а компьютерный набор узаконит эти новшества.

Мы критикуем школу за то, что абитуриенты не способны справляться с требованиями вуза, шире — с требованиями жизни. Мы успокаиваем себя тем, что причина в устаревшем учебнике, плохом учителе, в том, что часы сокращены с 800 до 600. Но во фразе “он

не умеет грамотно писать” надо строго определить понятие “грамотно”. Ведь мы подчиняемся безнадежно устаревшему Своду орфографии и пунктуации 1957 года, который, между прочим, требует писать слово “Бог” со строчной буквы.

Новый вариант Свода подготовлен Российской академией наук, но никак не дойдёт до публикации и общественного обсуждения.

Что такое “грамотно” — это очень большая тема. Конечно, мне хотелось бы о ней долго говорить, но сегодня я ограничусь тем, что всячески поддерживаю положения принятой на этом форуме концепции, согласно которой акцент переносится с заучивания правил на творческое восприятие языка как национально-культурного явления. Впрочем, не могу не заметить, что эта идея в концепции скрыта достаточно тёмной терминологией. Там сказано: “формирование лингвистической, эвристической, языковой и коммуникативной, а также этнокультуроведческой коммуникации”. Думается, это надо перевести в доступную форму, имея в виду переподготовку учителей, написание соответствующих пособий, изменение существующих стандартов и программ, механизмы реализации новой концепции.

Предвижу упрёки коллег в том, что поддерживаю оправдание безграмотности, уродование “великого и могучего”. Но давайте положим руку на сердце признаем, кто из нас, всем недавно возмущавшихся словами “консенсус”, “спонсор”, “тусовка”, “беспредел”, “разборка”, “крыша поехала”, “халява” (“халявщик”) и т.д., сам сегодня их не употребляет? Я призываю не мириться с дурным, но возмущаться им с оглядкой. Вспомните, что в американском варианте английского языка куда больше терпимости, чем в нашей грамматике, устроенной на старосоветский лад. Новое, которому суждено стать нормой, очень часто воспринимается как недопустимое, но прямыми протестами здесь ничего не добьёшься.

Безусловно, наш долг как работников образования — удержать русский язык в берегах традиции, но при этом надо считаться с реальностью. Мы коллективно ответственны за здоровье языка, за сохранение самобытной национально-культурно-языковой традиции, но также ответственны и за учёт веяний текущей жизни.